

Б. О. ДОЛГИХ и М. Г. ЛЕВИН

ПЕРЕХОД ОТ РОДОПЛЕМЕННЫХ СВЯЗЕЙ К ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ В ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ

Вопросам социальной организации народов Северной Сибири посвящена очень большая литература. Подавляющее большинство этих работ касается лишь конкретных форм социальной организации той или иной народности, и мы можем назвать только немного исследований, в которых эти вопросы рассматривались бы с общих теоретических позиций. Но и эти немногие исследования, как правило, фиксируют свое внимание на архаических институтах и пережитках, отражая общее направление этнографических исследований недавнего времени. Дореволюционные исследователи видели в социальной организации народов Севера только род и различные архаические формы семьи, сводя социальную организацию к ложной схеме, согласно которой народы Северной Сибири делятся на роды, роды на семьи, и становясь в тупик перед всеми случаями, когда конкретный материал не укладывался в эту схему. Отсюда та неопределенность по вопросу о социальной организации чукчей, коряков, эскимосов, у которых родовая организация в ее привычных для исследователей формах обнаружена не была. Эта схема вытекала из порочности общих установок, когда род и семья рассматривались статично, в отрыве от конкретных исторических условий их развития, и игнорировались все остальные формы социальной организации.

Некоторой попыткой выйти за пределы этой схемы было утверждение о необходимости различать собственно кровнородственные роды и «роды» административные, искусственно созданные у народов Сибири русской администрацией (Патканов, Штернберг, Рычков и др.), но это мало меняло общую схему.

Лишь советские исследователи, отправляясь от работ классиков марксизма, порвали с этой традиционной схемой и впервые поставили вопрос о существовании в прошлом у народов Севера также племен и фратрии. Здесь надо назвать работы С. В. Бахрушина, С. А. Токарева, А. М. Золотарева, В. Н. Черисцова, А. Ф. Анисимова, Н. Н. Степанова и др. Анализ новых исторических и этнографических материалов позволил установить действительные древние формы социальной организации народов Севера: наличие племен, фратрий (бесспорно установленных у некоторых народностей) и родов, входивших во фратрии и племена. Изучение истории так называемых административных «родов» показало, что в большинстве случаев они соответствуют племенам, которые в свое время послужили для русской администрации базой для организации единиц административного управления (волостей, управ, «родовых» управлений). При всем том, однако, совершенно недостаточное внимание было

уделено в нашей литературе формам разложения указанных классических социальных институтов у народов Севера и тем реальным социальным образованиям, которые уже давно существовали у народов Севера, отменяя и сменяя старое племенное, фратриальное и родовое устройство.

Вряд ли можно сомневаться в том, что вышеуказанные формы родоплеменной организации у народов Северной Сибири носили характер пережитков не только в XX веке, но и значительно ранее. Выявить прежнее племенное устройство удается в виде фрагментов по историческим источникам XVII—XVIII веков, по фольклорным материалам, равно по особенностям дореволюционной административной организации, при помощи которой царское правительство консервировало изживающую себя родоплеменную структуру. Сохранялись также племенные диалекты, облегчавшие выявление прежних племен.

Фратриальное устройство выступает перед нами лишь в виде экзогамных норм и ряда религиозно-социальных традиций. Род, сохраняя свои внешние формальные признаки более отчетливо, тем не менее почти полностью утратил всякое экономическое содержание, о чем уже неоднократно писали различные полевые исследователи.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции род у всех народов Северной Сибири разложился настолько, что выявлялся лишь в виде отдельных пережитков, сохранив только ряд второстепенных функций социально-религиозного порядка, главным образом экзогамии. У всех почти народностей род утратил свой территориальный характер. Роды, как правило, не образовывали территориальных единиц, семьи одного рода были рассеяны по различным территориям, живя попеременно с членами других родов, племен и даже народностей. Стойбища и селения, в которых жили члены только одного рода, составляли скорее исключение, чем норму. Это относится не только к кочевым оленеводческим группам, но и к оседлым группам рыболовов и охотников, где этот процесс — утеря родом его территориального единства — заходил, правда, не всегда так далеко, как у кочевников. Так, о нивхах еще Штернберг писал: «Несмотря на естественную тенденцию сородичей держаться поближе друг к другу, принцип территориальности фактически не существует. В огромном большинстве гилияцких деревень состав населения смешанный... Есть роды, разветвления которых встречаются в самых различных и удаленных друг от друга пунктах гилияцкой территории. Эта разбросанность, которая есть факт. идущий как бы вразрез с принципами рода, но она неизбежна при данных экономических и социальных условиях»¹. Утверждение Штернберга, относящееся к 90-м годам XIX века, для нас особенно показательное, так как Штернберг, как известно, отнюдь не был склонен модернизировать социальный строй нивхов, а скорее подчеркивал в нем его архаические признаки. Отсутствие территориального единства у эвенкийских родов указывалось различными авторами. Даже Широкогоров в работе о социальной организации северных тунгусов, работе, вообще отличающейся искусственностью построений и явными натяжками в сторону архаизации социального строя тунгусов, вынужден констатировать фактическую утерю тунгусским родом территориального единства².

Мы не будем приводить высказываний других авторов, подтверждающих утерю территориального единства родом у самых различных народов

¹ Л. Я. Штернберг. Гилияки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 110.

² S. M. Schirokogoroff. Social organization the Northern Tungus. Shangahi, 1929, стр. 195 и др.

Северной Сибири. Число таких примеров можно было бы значительно увеличить, и к этому вопросу нам придется еще вернуться ниже.

Для фратрии у народов Сибири отсутствие территориального единства устанавливается настолько давно, насколько это можно проследить по имеющимся этнографическим источникам.

Как мы указывали уже, административная система царского правительства способствовала искусственной консервации племенных делений в качестве административно-податных единиц. Тем не менее, это не остановило, за редкими исключениями, процесса утраты племенами их территориального единства и смешения членов различных племен на одной территории (в одних стойбищах и селениях). Утрате территориального единства способствовали также ассимилятивные процессы, изменявшие этнографическую принадлежность разных групп, часто охватывавшие часть племени, так что члены одного по происхождению племени стали принадлежать к различным народностям. Примеры этому можно привести из этнографии нганасан и долган, якутов и эвенков, юкагиров и ламутов, кетов и селькупов, ненцев и энцев и др.

Итак, не племя, фратрия и род определяли социальную организацию и размещение по территории народов Северной Сибири той эпохи, к которой относится большинство наших этнографических материалов. Каковы же были те формы реальных, живых экономических и социальных объединений, которые сменили древнюю родоплеменную организацию? Этому вопросу и посвящена настоящая статья.

В черновике своего письма к Вере Засулич Маркс указывает, что «не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они, представляют собою ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции». Затем Маркс указывает, что древние общины «...покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные, или усыновленные родственники. Их структура есть структура генеалогического дерева. «Земледельческая община» была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»¹. Энгельс также отмечает незаметный переход родового строя в территориальное устройство на примере народов Западной Европы².

Эти положения Маркса и Энгельса положены в основу настоящей работы. Мы стремимся показать, что народы Северной Сибири, несмотря на то, что у них сохранилось много пережитков родового строя, несмотря на сохранение элементов прежней родовой структуры, сравнительно давно в основном перешли к объединениям по территориальному принципу.

Конечно, территориальные объединения народов Северной Сибири имели ряд отличий от соседских общин земледельческих народов. Но и на Севере, как мы увидим ниже, проявлялись те же общие закономерности распада родовых связей и замены их территориальными и существовал тот же дуализм, который характерен для соседской общины в различных ее формах. Этот дуализм заключался в сосуществовании наряду со старыми принципами коллективизма (коллективное владение территорией, элементы коллективизма в производстве и т. д.) также частной собственности (владение оленями, индивидуальное присвоение пушнины — основного объекта торговли и т. д.).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 693, 694.

² См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948.

Хотя народности Крайнего Севера, в отличие от более крупных и экономически и культурно более развитых народов Южной Сибири, до самой революции в значительной степени сохраняли многие архаические формы хозяйства и быта, было бы совершенно неправильно рассматривать их в отрыве от народов более южных областей. Археологические материалы все более и более подробно вскрывают связи населения Севера с южными областями Сибири, а через них с древними центрами цивилизации Востока и Запада. Драгоценные меха Севера издавна попадали на рынки Китая, Средней Азии и других стран, откуда в свою очередь отдельные элементы культуры проникали далеко на Север. Эти связи не могли не оказать влияния и на социальную организацию народов Севера, сделав уже задолго до прихода русских пушнину товарной ценностью. Возникновение оленеводства как одного из видов скотоводства способствовало появлению частной собственности в виде оленьих стад во владении отдельных семейств. Этим самым взрывались экономические основы родовой организации у кочевников-олeneводоов.

Вхождение народов Севера в сферу экономического влияния русского торгового капитала еще более ускорило процесс вызревания частнособственнических отношений внутри родového общества.

В советской этнографической и экономической литературе о народах Северной Сибири встречаются наряду с описанием пережитков родоплеменной организации указания на существование у этих народов территориальных объединений, как правило, смешанного родového состава. Мы находим описания состава отдельных стойбищ, говорящие о различной родовой принадлежности их обитателей, сведения о производственных группах, построенных не по родовому, а по территориальному признаку, наконец, данные о более широких территориальных группировках, включающих хозяйства не только различного родového, но и различного племенного и даже этнического состава.

Эти материалы привлекли к себе особое внимание в связи с практикой советского строительства на Крайнем Севере, когда создание советских органов власти на местах поставило перед практическими работниками и исследователями задачу изучения конкретных форм социальных объединений у малых народов Севера. На первом этапе органы власти создавались еще по «родовому» принципу, с заменой прежних «родовых» управлений родовыми Советами. Такая форма организации была вызвана не реальными родоплеменными связями существовавших у народов Севера объединений, а необходимостью использовать на первых этапах привычные старые административные единицы¹.

Однако вскоре несоответствие «родового» принципа административного устройства народов Севера реальным экономическим и территориальным связям стало очевидным. Даже в самом начале советизации, как указывает М. А. Сергеев, у некоторых групп населения Севера Советы сразу организовались по территориальному признаку, и в первые же годы повсеместно начался переход от «родовой» к территориальной системе. В 1929 г., по материалам М. А. Сергеева, на Севере было уже около 100

¹ Обзор основных этапов советского строительства на Севере дан в содержательной статье М. А. Сергеева «Малые народы Севера в эпоху социализма» («Советская этнография», 1947, № 4, стр. 126—158). Мы не можем только согласиться с одним частным замечанием автора, что «единственным возможным признаком при организации населения была осознаваемая им самим родовая связь» (стр. 129). Речь идет, очевидно, не о родовых связях, а о принадлежности к определенным «родовым» управлениям, т. е. к старым административно-податным единицам.

Советов, организованных по территориальному принципу. К 1931 г. этот переход к новой территориальной системе организации Советов у малых народностей Севера был завершен образованием сельских и кочевых Советов. Тем самым было покончено с восходящим еще к XVII веку и изжившим себя в дальнейшем «родовым» принципом. Таким образом, вопрос о территориальных группировках у народов Крайнего Севера был поставлен самой практикой социалистического строительства. Но надо сказать, что характер этих территориальных объединений не был достаточно освещен в научной литературе.

Следует различать две различные формы соседских связей у народов Северной Сибири. Одна, более широкого территориального охвата, соответствовала тем группировкам, которые были в 1931 г. положены в основу организации кочевых и сельских Советов. Вторая, более узкая, существовавшая в пределах первой, являлась производственным объединением сравнительно небольшой группы хозяйств. Мы рассмотрим вначале эти последние объединения.

О производственных объединениях у различных народов Севера, существовавших у них до проведения коллективизации, писали многие авторы, главным образом в связи с вопросом о роли первобытно-общинных традиций в условиях колхозного строительства. Об этих производственных объединениях у эвенков писали А. П. Курилович и Н. П. Наумов¹, А. Ф. Анисимов², Н. Н. Ковязин³ и особенно подробно Н. П. Никульшин, посвятивший этому вопросу специальную монографию⁴. По отношению к ненцам вопрос этот вызвал полемику между П. Масловым и П. Е. Терлецким⁵, разошедшимися в оценке характера ненецкой «пармы» (производственные объединения оленеводов) и «едомы» (производственные объединения рыбаков). Но для нас сейчас важно отметить, что оба автора констатируют реальное существование этих производственных объединений у ненцев — и оленеводов, и рыбаков. В специально этнографическом плане такие производственно-территориальные объединения были описаны неоднократно. Можно указать, например, на детальное описание таких групп у долган в работах А. А. Попова⁶.

Что же представляют собой эти неоднократно описанные производственно-территориальные объединения?

Н. П. Никульшин подробно описал у эвенков временные объединения обычно не связанных родовыми узлами хозяйств для коллективного рыболовства, охоты и главным образом для организации совместного выпаса оленей. Он правильно подчеркивает особенности комплексного хозяйства эвенков, диктующего необходимость временных объединений

¹ А. П. Курилович и Н. П. Наумов. Советская Тунгусия. М., 1934, стр. 152.

² А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936, стр. 68—70, 159, 160.

³ В сб. «Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера», М., 1933, стр. 33.

⁴ Н. П. Никульшин. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939.

⁵ П. Маслов. Кочевое объединение одиночных хозяйств в тундре Северного края. «Советский Север», 1934, № 5; П. Е. Терлецкий. К вопросу о пармах в Ненецком округе. «Советский Север», 1934, № 5.

⁶ Н. П. Никульшин (в указанной работе) называет их первобытно-производственными объединениями; называют их также бытовыми производственными объединениями; А. А. Попов, описавший такие объединения у долган, называет их кочевыми группами («Материалы по родовому строю долган». «Советская этнография», 1934, № 6, стр. 124—126; «Охота и рыболовство у долган», в «Сборнике памяти В. Г. Богораз», 1937, стр. 90 и др.).

отдельных хозяйств для возможности сочетать, например, сезонное летнее рыболовство с организацией выпаса оленей, при котором часть членов объединения ловит рыбу, а другая уходит со стадами на летние пастбища. Приводимый Никульшиным конкретный материал о составе таких объединений убедительно показывает, что родовые связи в этих объединениях роли не играют. «Первобытно-производственные объединения эвенков,— пишет он,— возникали стихийно во время охоты, рыболовства или пастбы оленя, включая в свой состав от 2 до 15 хозяйств, и действовали во время сезона промысла... Объединяли не только сородичей или родственников, но и лиц, не связанных узами родства. Объединяли не членов единого коллективного хозяйства рода или большой семьи, а отдельные экономически обособленные хозяйства мелких производителей, и являлись не постоянными, а временными производственными объединениями»¹.

Подробное описание такого же характера производственных объединений у долган дает и А. А. Попов. Комплексное хозяйство долган, сочетающее оленеводство с рыболовством и с разными формами коллективной и индивидуальной охоты, также вызывало к жизни производственные объединения. Летом «нескольким хозяйствам приходится объединять своих оленей в общие стада, вследствие чего и получаются летние территориальные объединения нескольких семейств. Образующиеся при этом немногочисленные группы представляют собою объединение не по родственному признаку, а союзы лиц, связанных одними экономическими интересами... При таких объединениях,— пишет далее А. А. Попов,— этнографические черты даже совершенно стираются: так, в составе кочевых групп, кроме долган и затундренных крестьян, которые по существу ничем от первых не отличаются, можно найти и затундренных якутов и тунгусов»².

У эвенков (ламутов) охотского побережья такие производственные объединения изучались в 1930—1932 гг. М. Г. Левиным. Как среди полуседлого, так главным образом и среди кочевого населения еще до проведения коллективизации существовали объединения хозяйств для совместного кочевания зимой и совместного рыболовства в летние месяцы. Так как рыболовство в этом районе было связано с выходом в устья рек, к морю, для лова и заготовки на зиму кеты и горбуши, перед отдельными хозяйствами вставала необходимость объединять свои олени стада для летнего выпаса, выделяя для этого из состава производственного объединения пастухов, получавших затем свой пай из запасов добытой рыбы. Хозяйства, не связанные с такими объединениями, бывали вынуждены практиковать губительный для оленеводства способ «отпуска» оленей на лето: олени оставались без всякого присмотра, разбредались по тайге и в осенние и зимние месяцы, после сбора оленей, попадали к различным владельцам. Число хозяйств в таких объединениях бывало различно, колеблясь в среднем в пределах 5—10. Родовые связи в образовании этих групп не прослеживались. Изучение состава этих групп на протяжении ряда лет (по расспросам) выявило, что в общем при переменном их составе, ядро объединения оставалось более или менее постоянным, привлекая к себе в разные годы различные соседние хозяйства. К социальной характеристике этих объединений мы вернемся ниже.

У нганасанов, по наблюдениям Б. О. Долгих, в 1926—1935 гг. также существовали группы совместно кочующих хозяйств. Эти группы состояли из двух-четырех хозяйств зимой и увеличивались до 5—10 хозяйств летом, когда нганасаны располагались на рыболовных угодьях или местах

¹ Н. П. Никульшин. Указ. работа, стр. 135, 136.

² А. А. Попов. Материалы по родовому строю долган, стр. 124.

«поколок» на диких оленей. И здесь эти группы были смешанного состава в отношении родовой и племенной принадлежности. В одном стойбище жили не только семьи разных родов, например, авамских нганасанов, но и авамские нганасаны с вадеевскими, хотя последние случаи бывали реже, главным образом в пограничной полосе между авамскими и вадеевскими нганасанами. То же наблюдалось и у энцев, у которых в состав группы совместно кочующих хозяйств входили не только представители разных энецких родов, но нганасаны и ненцы. Как у нганасан, так и у энцев летом практиковалось объединение стад членов группы и выделение пастухов для их пастбы. Кроме того, нганасанские объединения совместно кочующих хозяйств осенью выделяли еще специальные охотничьи отряды, отправлявшиеся на охоту за диким оленем дальше на север. Как пастухи, так и эти охотники обычно тоже были членами разных родов. Эти объединения имели специальные названия: у местного русского населения — «куча», а по-нганасански «малир». Обычно основу малира составляли одно-два хозяйства, а остальные являлись его более переменным составом.

Мелкие территориальные объединения существовали не только у оленеводов. Так, безоленные кеты в низовьях реки Подкаменной Тунгуски (по материалам Б. О. Долгих) осенью расселялись в землянках отдельными группами по 4—6 хозяйств. Летом они объединялись в более крупные стойбища на рыболовных угодьях. Производственный принцип в этих объединениях выступает не столь отчетливо, как, например, у эвенков и эвенов (ламутов), с их комплексным хозяйством, но и у кетов эти объединения могут быть с достаточным основанием названы производственно-территориальными. Каждую такую группу объединяло пользование определенными охотничьими или рыболовными угодьями, соседская взаимопомощь и т. д. Никакого родового начала в организации таких объединений у кетов установить нельзя, хотя состав группы на протяжении ряда лет был более или менее постоянным.

Вопрос о социальном составе производственно-территориальных объединений нуждается в специальном рассмотрении. Мы указывали уже на дискуссию между П. Масловым и П. Е. Терлецким на страницах журнала «Советский Север» по вопросу о социальной сущности ненецких «парм». В то время как П. Маслов рассматривал парму как объединение хозяйств, группировавшихся в основном около кулацкого хозяйства, П. Е. Терлецкий доказывал, что основным типом организации пармы было объединение самостоятельных середняцких и бедняцких хозяйств (по данным П. Е. Терлецкого, в 1927 г. лишь 11 из шестидесяти обследованных парм были объединены вокруг кулацкого хозяйства). А. А. Попов, не рассматривая специально вопроса о социальном составе кочевых групп долган, тем не менее указывает, что «каждая из них старается включить в свой состав побольше зажиточных людей». К сожалению, эта формулировка страдает крайней неопределенностью. Н. П. Никульшин пришел к выводу, что социальный состав «первобытно-производственных объединений» у эвенков бывал различен. Он изучал этот вопрос специально в связи с вопросом о роли первобытно-общинных пережитков в социалистическом переустройстве хозяйства народов Севера. Наряду с производственными объединениями, включавшими малооленные, сходные по своему имущественному положению хозяйства, существовали объединения, включавшие наряду с такими хозяйствами и крупных оленеводов. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, относящиеся к годам, предшествовавшим коллективизации у народов Севера, подтверждают изложенную точку зрения Никульшина и Терлецкого. Таковы полевые материалы по ламутам

охотского побережья (М. Г. Левин), нганасанам, энцам, долганам (Б. О. Долгих).

В связи с вопросом о составе и социальной структуре производственно-территориальных объединений заслуживает специального рассмотрения вопрос о «варате» у чукчей. Наиболее подробные материалы о варате принадлежат, как известно, В. Г. Богоразу.

Рассматривая социальную организацию чукчей, Богораз неправильно расценивает ее как «первый зачаток родовой организации»¹ и зачаток рода видит именно в чукотском варате. Конечно, рассмотрение вопроса о социальной организации чукчей в целом выходит за рамки настоящей статьи. Нас интересует в данном случае лишь социальное содержание варата. Богораз указывает, что сам термин «варат» буквально означает «собрание живущих вместе»². Определяя варат как группу родственных семей и называя его даже «семейной группой», Богораз вместе с тем отмечает, что варат «крайне неустойчив» и число семей, «пребывающих вместе», меняется почти каждый год³. Описание Богоразом в этой части настолько сбивчиво и путанно, что трудно, в частности, даже уяснить соотношение между «варатом» и стойбищем, которое Богораз описывает отдельно, отмечая вместе с тем, что «организация стойбища оленных чукч связана с отношениями семейной группы»⁴. Богораз видит в варате зачаток рода и считает, что «семейная группа» определяется единством огня, единством знаков «кровопомазания», единством тамги, но тут же сам отмечает, что все эти объединяющие элементы не могут придать семейным группам прочности: «Семейные группы постоянно распадаются и переливаются в новые грани». Реконструируя старую форму варата, Богораз пишет: «Эта социальная единица включала 10 или 15 семей, живших всегда по соседству. Летом, когда оленеводы подходят к морскому берегу, все семьи сливались обычно в одно большое стойбище. Часть молодежи оставалась у стада, ибо в те времена стада были немногочисленны. Другие занимались рыболовством и охотой на морского зверя»⁵. Вероятно перед нами объединение, основанное на территориальных и производственных связях. Но так как внутри этих объединений имелись семьи, связанные отношениями родства и свойства, то Богораз, повидимому нечетко различавший собственно родовые и родственные отношения между отдельными семьями, без всякого основания перенес, очевидно, эти признаки родственных связей на характеристику варата в целом.

В связи с изложенным становятся яснее и материалы Богоразом по приморским чукчам и эскимосам. «Среди них,— пишет Богораз,— социальной единицей является семья и поселок. Многие поселки населены родственниками, особенно у эскимосов, которые менее склонны переходить из поселка в поселок, как это делают чукчи. Однако есть и другие поселки, состоящие из элементов разнородного происхождения; например, поселок Сесип населен эскимосами, приморскими чукчами и значительной группой оленных чукч, потерявших свои стада и поселившихся на берегу моря... В общем можно сказать, что поселок представляет территориальную единицу»⁶.

У оленных чукчей стойбище, как ясно указывают материалы Богоразом, также не всегда состояло из семей, связанных узами родства, и состав

¹ В. Г. Богораз. Чукчи. Ч. 1, стр. 94 Предисловие, стр. XVIII.

² Там же, стр. 94.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ В. Г. Богораз. Указ. работа, стр. 95.

⁶ Там же, стр. 96.

его также менялся. Стойбище иногда совпадало с варатом, иногда составляло его подразделение, что понятно в условиях кочевого хозяйства. Богораз хорошо показывает, что социальный состав стойбища и варата в целом бывал различен: иногда это — объединение самостоятельных хозяйств, иногда — группа хозяйств, находившаяся в экономической зависимости от крупного оленевода. Сходные отношения имелись и в поселениях оседлых чукчей, но здесь второй тип связей — вокруг богатого хозяйства — выступал реже и был менее выражен, так как процессы имущественного расслоения среди приморских охотников на морского зверя не зашли так далеко, как у чукчей-оленеводов.

В обширной этнографической литературе о народах Северной Сибири, начиная от работ XVII века и кончая современными исследованиями, мы находим богатейший материал, характеризующий наличие у этих народов в прошлом первобытно-общинных отношений. Элементы коллективного производства и распределения, взаимопомощи, коллективной собственности на территории и естественные ресурсы — явления, известные в прошлом у всех народов Северной Сибири. Обычай «нимата» у эвенков, «бахид» у нганасанов, сходные порядки у других народов описаны с замечательной этнографической полнотой. Однако значительно менее ясным остается вопрос о характере групп общества, в которых практиковались эти первобытно-общинные порядки. В литературе все эти порядки, как правило, определяются как родовые и связываются с родом. Не вызывает, конечно, сомнения, что они действительно восходят к институтам родового строя. Но, анализируя конкретные этнографические описания, обычно убеждаешься в том, что очень часто авторы архаизируют наблюдаемые ими явления и называют родовыми такие отношения, которые фактически утратили свой первоначальный родовой характер, не замечают того, что действительно восходящие к родовому строю обычаи и институты меняют свое содержание в условиях разложения и распада родовой организации.

В специальной монографии, посвященной родовому строю эвенков, А. Ф. Анисимов приводит многочисленные и очень интересные данные о пережитках различных форм первобытно-общинного распределения, коллективных навыков в организации охотничьего промысла и рыболовства, взаимопомощи, гостеприимства, но не всегда четко определяет те коллективы, в которых эти нормы осуществляются. Конечно, А. Ф. Анисимов прав, когда связывает их происхождение с родовым строем, но он не вскрывает, к сожалению, того важнейшего положения, что все вышеперечисленные экономические связи первобытно-общинного характера фактически выступают уже не в роде, а в объединениях другого характера. Ссылаясь на старых авторов (М. Ф. Кривошапкина, В. Арефьева, П. И. Третьякова, В. Н. Васильева), данные И. М. Сулова и свои материалы, А. Ф. Анисимов правильно показывает коллективный, артельный характер промыслов, но из этого показа вовсе не следует, что эти объединения носили родовой характер. Напротив, сам А. Ф. Анисимов описывает те производственно-территориальные объединения, которые и являются носителями этих традиций коллективизма. «Мы находим, — пишет А. Ф. Анисимов, — бытующими до сих пор следующие две основные формы коллективного процесса труда: а) совместное кочевание бедняцких и середняцких семей; б) бытовые охотничьи артели, временные артели по совместной охоте. Группа семей, ведущих совместное кочевание, составляет обычно стойбище эвенков. Обычай *umundu inbawət* — «совместного кочевания» с экономической стороны характеризуется следующими двумя признаками: а) общим владением охотничьими, рыбными промыслами

и оленными пастбищами, обычно по двум-трем или четырем речкам (в зависимости от количества семей); эти речки считаются их семейно-родовыми угодьями и находятся в общественной собственности всех членов стойбища; б) известными формами коллективной совместной деятельности, например совместным выпасом оленей, коллективной постройкой (весной) изгороди для оленей, рыболовных заездов (обычно по наиболее рыбным речкам) и рядом других видов совместного труда»¹.

А. Ф. Анисимов старается найти в этих объединениях родовой принцип, приводит, в частности, состав стойбища из четырех семей одного рода, но если вспомнить уже сказанное о смешанном в родовом отношении составе эвенкийских стойбищ, то надо признать, что «группа семей, ведущих совместное кочевание», представляет собой в конечном счете производственно-территориальное объединение, утратившее родовой характер².

Мы говорили уже о таких традициях коллективного распределения, как, например, нимат, который известен был не только эвенкам, но и всем народам Севера под разными названиями. Имеющиеся материалы свидетельствуют, что круг лиц, связанных отношениями нимата, как правило, соответствовал соседской группе. Известно, что нормы нимата предписывали дележ добычи с любыми соседями и случайными спутниками, независимо от их родоплеменной и даже этнической принадлежности. Здесь можно было бы сослаться на множество фактов, приводимых в литературе, начиная хотя бы с Миддендорфа и кончая любым полевым этнографом недавнего времени. Экономическая сторона нимата была подробно проанализирована М. К. Расцветаевым³. Не будучи этнографом, этот автор оставил без должного внимания вопрос о родоплеменной структуре изученных им мямяльских тунгусов. Но он совершенно определенно указывает, что нимат «дается только людям (семьям), находящимся на одном и том же стойбище в непосредственном соседстве»⁴.

В области производства, как мы указывали, коллективные традиции обнаруживались в совместной охоте, рыболовстве, совместном выпасе оленей и т. д. Сказанного выше о характере производственно-территориальных объединений достаточно для уяснения того, что и здесь выступает соседский, а не родовой принцип объединения.

Мы приходим к выводу, что у народов Северной Сибири в эпоху, к которой относится огромное большинство этнографических данных, древние нормы родовой организации производства и потребления процировались уже не на кровнородственные родовые объединения, а на объединения иного характера, а именно, на возникшие в результате распада реальных родовых связей объединения по территориально-соседскому производственному признаку. Этот вывод по отношению к эвенкам был сделан еще Н. П. Никульшиным, который писал о первобытно-производственных объединениях, как об объединениях, по своему характеру свойственных соседской общине⁵.

Выше было указано, что практика советского строительства столкнулась с реальным существованием в прошлом у народов Севера террито-

¹ А. Ф. Анисимов. Указ. работа, стр. 68, 69.

² Когда А. Ф. Анисимов пишет о семейно-родовых угодьях и о распределении советом рода угодий охоты, то здесь он, повидимому, недостаточно четко дифференцирует подлинный отловский род и «род» административный (см. выше). Последний, действительно, имел административные функции и регулировал пользование угодьями отдельными семьями и группами совместно кочующих хозяйств.

³ М. К. Расцветаев. Тунгусы Мямяльского рода. «Тр. СОПС АН СССР», вып. XIII. Л., 1933 (серия якутская).

⁴ М. К. Расцветаев. Указ. работа, стр. 43.

⁵ Н. П. Никульшин. Указ. работа, стр. 136.

риальных группировок, которые на первых этапах перехода от «родовых» к кочевым и сельским Советам в значительной степени легли в основу организации последних. Такие группировки характеризовались в первую очередь довольно определенной по своим границам территорией и определенными центрами экономического тяготения. Территория такой группировки обычно охватывала бассейн или часть бассейна реки, группу озер с их бассейнами, определенную часть морского побережья с впадающими в море речками, определенный горный район и т. д.

Центрами экономического тяготения таких территориальных группировок были в прошлом места ярмарок или торговых пунктов, в недавние дни — фактории. Эти экономические центры были в определенные сроки также местом сбора хозяйств, входивших в территориальную группировку, местом, где производились собрания, решались общественные дела и т. д. При кочевом хозяйстве члены такой территориальной группировки расходились по определенным маршрутам, образуя более мелкие группы, объединенные производственно-хозяйственными интересами, чтобы затем снова в определенное время вернуться к своему центру. Состав этих более мелких объединений, о которых было сказано выше, не всегда был постоянным, но комплектование их, как правило, не выходило за пределы данной группировки. Эти мелкие объединения были уже охарактеризованы выше как производственно-территориальные объединения. У оседлого населения территориальная группировка включала несколько поселков, объединенных опять-таки одним центром своего экономического тяготения и рядом соседских связей.

Анализ материалов переписи 1926—1927 гг. и многочисленных этнографических описаний конца XIX и первой трети XX века достаточно ясно вскрывает наличие в недавнем прошлом территориальных группировок у всего коренного населения Северной Сибири. Такие общепринятые в этнографической литературе наименования, как, например, сымские, токминские, учурские, комовские эвенки, подкаменно-тунгусские, елогуйские, курейские кеты, норильские, попигайские долганы, таймырские нганасаны, верхнеколымские юкагиры, виллюнейские, тельцекские, анюйские, ангуемские чукчи, вилигинские, вархаламские ламуты охотского побережья и т. д., — представляли собой выражение реального существования таких территориальных группировок.

Численный состав этих территориальных группировок был различен и не превышал обычно, за редкими исключениями, 100—120 хозяйств, а чаще колебался в пределах нескольких десятков. Эти цифры очень условны, и численный состав группировок связан с типом хозяйств, природными условиями, историей и экономикой района в целом и т. д.

Помимо определенной территории и определенных центров тяготения, территориальные группировки обладали еще и другими чертами живых, действительных социально-экономических связей их членов. Члены группировки осознавали свое единство и противопоставляли себя членам других территориальных группировок. Приведенные выше в качестве примеров названия территориальных группировок не теоретически сконструированы этнографической литературой, а являются отражением реально создаваемого самим населением единства. Нередко с границами таких территориальных группировок совпадали границы диалектов и поддиалектов¹; во всяком случае, границы существующих диалектов не

¹ Материалы Г. М. Василевича по диалектам различных эвенкийских групп в сопоставлении с границами территориальных группировок обнаруживают в ряде случаев значительное совпадение с ними.

пересекали территориальных группировок, хотя область распространения определенного диалекта может включать не одну, а несколько территориальных группировок. Уже в этом мы можем видеть указания на связь, существовавшую между появлением территориальных группировок и распадом древних племенных объединений. Территориальные группировки недавнего времени были разнородны в отношении своего родоплеменного состава. Иногда в одной территориальной группировке объединялись даже хозяйства разного этнического происхождения.

Приведем несколько примеров по данным приполярной переписи 1926/27 г. по Эвенкийскому и Таймырскому национальным округам. На территории современного Таймырского национального округа можно было установить существование в 1926/27 г. 23 территориальных группировок. Конкретная история этих группировок различна. Некоторые из них можно возвести к старым племенным делениям. Такова, например, территориальная группировка, охватывавшая 41 хозяйство (242 человека обоого пола), кочевавшая по бассейнам реки Балахны и озера Таймыр и совпадавшая в общем с племенем вадевских иганасанов. Только 5 из 41 хозяйства не были по происхождению вадевско-иганасанскими. Примером территориальной группировки смешанного не только родоплеменного, но и этнического состава может служить группировка между низовьями Енисея и Енисейским заливом на западе и рекой Пурой (притоком Пясины) и озером Пясиным на востоке. В ней было ок. 100 хозяйств (ок. 500 человек обоого пола), из которых энцев, разного родового и племенного происхождения, было до 60 хозяйств, ненцев ок. 30 хозяйств и иганасан — 10 — 11 хозяйств. Проследивая историю образования данной группировки, можно обнаружить, что уже в конце XIX века на этой территории совместно кочевали предки тех же хозяйств, которые отмечены в материалах 1926/27 г., только часть ненцев переселилась сюда позже, в начале XX века. На территории нынешнего Эвенкийского округа можно отметить ту же картину. Из 19 территориальных группировок, существовавших здесь на 1926/27 г., большинство было смешанного родоплеменного состава. Так, в территориальной группировке, тяготевшей к фактории Вановара, было 32 хозяйства (159 человек). Из них было по происхождению из племени чемдаль 17 хозяйств, куркогир — 9 хозяйств, пангкагир — 5 хозяйств и рода Чильчагир — 1 семья. Конкретная история и возраст отдельных территориальных группировок весьма различны. В некоторых случаях мы можем констатировать смешанный родоплеменной состав населения на определенной территории уже в конце XVII века, в других образование территориальных группировок относится сравнительно к недавнему времени.

Включение народов Северной Сибири в состав Российского государства, с одной стороны, своей административной системой консервировало формальное существование племен в качестве административных «родов», с другой стороны — бесспорно ускоряло процессы распада родоплеменных связей и формирования территориальных группировок, не связанных с родом и племенем.

Помимо таких процессов, как проникновение новых товарных отношений, усиление зажиточной верхушки, взявшей на себя роль посредника между массой своих соплеменников и русской администрацией и торговцами, замене старых родоплеменных связей новыми территориальными способствовало также появление новых центров тяготения, основанных русскими.

Проследивая историю ряда ясачных зимовий XVII века, можно обнаружить, что выбор мест для них не бывал обычно случаен и отвечал реаль-

ным центрам тяготения той или иной группы коренного населения. Нередко случалось, что первоначально неудачно выбранное место постройки ясачного зимовья в дальнейшем менялось по мере ознакомления с действительными центрами тяготения населения. В свою очередь основание таких русских пунктов создавало само по себе тяготение к ним не только тех племен, для сбора ясака с которых они были построены, но и соседних родов племен, приписанных к другим ясачным зимовьям. Это, естественно, вело к перемешиванию членов различных племен на одной территории.

К сожалению, изучение этих территориальных группировок как реально существующих единиц не привлекло должного внимания этнографов. Правда, практика исследования вела к тому, что фактически изучались и описывались отдельные территориальные группировки у разных народов, но отсутствие ясного представления о характере этих группировок и порочная тенденция архаизации живой действительности — поиски только изживших себя родоплеменных образований — привели к тому, что в литературе мы не находим достаточно четкого определения сущности этих территориальных группировок (соседских общин), их границ, их истории и тех отношений, которые образуют их внутреннюю связь.

Практика советского строительства, впервые толкнувшая к детальному изучению размещения коренного населения Севера по территории, опередила, таким образом, этнографическую теорию.

Задача изучения этих соседских общин тем существеннее, что внутри их можно наблюдать те процессы создания этнографической общности между разными по своему происхождению элементами, которые многое позволяют нам уяснить и в вопросах этногенеза отдельных народов Северной Сибири.

Еще важнее, конечно, изучение этих групп для практики советского социалистического строительства среди народов Севера.

Нам осталось сказать несколько слов о путях развития производственных объединений и территориальных группировок в условиях социализма.

Мы уже говорили о производственных объединениях в связи с их ролью в социалистическом переустройстве хозяйства и быта народов Северной Сибири. Мы указали на различную социальную природу этих объединений, часть из которых представляла собой кооперацию самостоятельных хозяйств с сохранением в них традиций коллективизма, восходящих к первобытно-общинному строю; другая часть этих объединений представляла собой группы хозяйств, экономически связанных и зависимых от хозяйств кулацкого типа, где под покровом по форме первобытно-общинных традиций практиковались различные формы эксплуатации и экономического принуждения. По данному вопросу мы отсылаем к указанной выше литературе.

Развитие социалистического строительства, образование колхозов и ликвидация эксплуататорских элементов привели к коренному изменению всей общественно-экономической жизни народов Севера. У всех народов Севера основной экономической единицей стал колхоз. Главными производственными единицами северных колхозов стали производственные бригады и, в меньшей степени, звенья. Преобладающим типом стойбища являются теперь бригадные и звеньевые станы. В связи с процессами оседания кочевого населения появился новый тип поселения — колхозные центры, колхозные поселки, с которыми связаны группы хозяйств данного колхоза, продолжающие вследствие требований своей производственной деятельности вести подвижной образ жизни.

Все эти новые формы производственно-территориальных связей, пришедшие на смену производственно-территориальным объединениям

прошлого, представляют собой качественно новый тип социального объединения. Если на первых этапах коллективизации старые производственные объединения в какой-то степени сказывались в формировании простейших производственных объединений, то с дальнейшим организационно-хозяйственным укреплением колхозов и переходом их на устав сельскохозяйственной артели старые традиционные объединения исчезли и заменились совершенно новыми, которые определяются задачами хозяйственной деятельности колхозов и формируются правлениями колхозов, исходя из производственного плана и хозяйственной целесообразности.

Несколько иной путь прошли в условиях социалистического строительства более крупные единицы — территориальные группировки. Как мы указывали выше, многие из них легли в основу организованных по территориальному принципу кочевых и сельских Советов. С организацией колхозов многие из них совпали (по составу вошедших в них хозяйств и территорий) с прежними территориальными группировками. В других случаях в пределах крупных территориальных группировок образовывалось несколько колхозов. И наоборот, с укрупнением кочевых и сельских Советов и главным образом колхозов один кочевой Совет и один колхоз стали в некоторых случаях объединять несколько прежних небольших территориальных группировок.

Но и те территориальные группировки, которые легли в основу многих кочевых и сельских Советов и колхозов, изменили коренным образом свое содержание и характер связи между своими членами. В ряде случаев произошли также значительные перемещения населения из одних прежних территориальных группировок в другие. Эти перемещения порою совершенно изменяли этнический состав кочевых и сельских Советов и колхозов. Колхозное производство и быт привели и к переменам в размещении населения по территории. Новые поселки, заготовительные пункты, магазины, школы, более полное и рациональное использование естественных ресурсов — коренным образом изменили не только размещение населения, но также во многих случаях привели к пересмотру прежних границ колхозов и кочевых Советов, уже не отвечавших условиям социалистического строительства.

И старые соседские общины (территориальные группировки), сложившиеся на определенном этапе истории народов Севера в результате распада родоплеменных связей, в свою очередь в новых условиях строительства социализма у северных народов уступили свое место новым формам социалистических территориальных объединений. Подробное изложение и рассмотрение этого процесса должно стать предметом специального исследования.